

на важнейших торговых путях, а через 9—10 лет возникает и II Афинский морской союз (см. карту⁴⁵).

Афины оказались в состоянии не посчитаться с запрещением Царского мира, основным условием которого была автономия всех греческих государств. И афиняне и их союзники уже через несколько лет после заключения мирного договора смогли пренебречь грозным предупреждением царя, что Персия, опираясь на Спарту, будет вести войну на суше и море с теми, кто нарушит мирные условия. Это показывает, что, несмотря на категорическое запрещение союзов, формального признания которого добились Персия и Спарта по условиям Анталкидова мира, они не могли помешать и уничтожить не только стремление греческих государств к объединению, но даже не сумели сколько-нибудь значительно задержать создание II Афинского морского союза.

Таким образом, попытки объединения греческих городов вокруг Афин в период Коринфской войны, а также условия Анталкидова мира заставили Афины отказаться от старой формы утверждения своей гегемонии на море, доказали невозможность в новых международных условиях вернуть бывшее исключительное положение и помогли афинской дипломатии найти новые формы успешной борьбы за преобладание на основных торговых и стратегических путях Восточного Средиземноморья.

Афины в напряженной внутренней и внешней борьбе в ближайшие годы после мира вырабатывают иной курс и иные методы внешней политики, отвечающие уже новому периоду их истории, связанному с созданием II Афинского морского союза.

И. Поздеева

ФАНАГОРИЙСКАЯ МЕТРИЧЕСКАЯ ЭПИТАФИЯ В СОБРАНИИ ТЕМРЮКСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Издаваемый надгробный памятник (рис. 1) представляет собой продолговатую прямоугольную стелу из известняка, сверху увенчанную анфемием. Общая высота — 1,96 м, высота анфемиа — 0,66 м, ширина 0,39—0,40 м, толщина основной плиты 0,175 м, анфемиа — 0,155 м. Венчающая часть памятника не отбита, а сделана отдельно и была прикреплена к основной части железными шипами, вставленными в пазы; пазы эти сохранились на верхней грани плиты, в них и сейчас есть остатки железных шипов¹. Анфемий состоит из большой пальметки, под ней — листья аканфа, поднимающиеся от сильно выступающего карниза; под карнизом три розетки. Ниже, в прямоугольном углублении, рельеф. Изображены двое стоящих мужчин, соединивших в рукопожатии правые руки. Оба одинаково одеты в короткие кафтаны, длинные, плотно облегающие ноги штаны и длинные плащи, застегнутые на плече и откиннутые за спину. Мужчина стоящий справа, — более высокий, имеет короткую бороду; слева — ниже ростом, безбородый. Как видно из текста, это — отец и сын.

Под рельефом надпись в 12 строк. В трех верхних строках, вырезанных крупными буквами (высота букв 0,022—0,032 м), собственно надгробная надпись с обычным *χαίρετε*, дальше — метрическая эпитафия в размере обычных для надгробных эпитафий эллигических дистихов; в этой части высота букв 0,01—0,015 м.

Надгробие находится в настоящее время в Темрюкском краеведческом музее. По словам директора Темрюкского музея З. И. Будник, оно найдено весной 1951 г. близ станции Сенная при вспашке трактором целинной земли и представляет, очевидно, один из памятников некрополя Фанагории.

Надпись (рис. 2)

⁴⁵ Митилена, Иасос, Родос — союзники Афин после битвы у Книда; Фасос, Самос, Византий присоединились к коалиции в результате действий флота Фрасибула.

¹ Основываюсь на описании А. И. Болтуновой. Поскольку мне самой не удалось лично ознакомиться с надгробием, в своей работе я пользовалась фотоснимками. Описание А. И. Болтуновой существенно помогло мне в этой работе.

Γόκων Ἀγαθοῦ [κ]αὶ Ἀγαθοῦ Γόκω | νος χαίρετε.
 Τρεῖς υἱοὺς μὲ [ν ἔφυ]σε Γόκων γλυκίους, | παροδεῖτα
 Σὺν πατρὶ δ' ἐξ αὐτῶν [εἰ]ς Ἀγαθοῦς ἔθανε.
 Τῶν περιλειπομένων δὲ Τρ[ύ]φ[ω]ν, | Ἀπολλώνιος ἀμφοῖν
 ἀπεισι(ν ἐν) τορέαις οἱ δὲ ὁμοίотροποι
 ἀφῆμου δόξης ἔνεκεν περικαλλῆς | ἔτευσαν
 μνῆμα κασιγνήτου καὶ πατρὸς ἀθανάτ[ου]

Перевод. Гокон, сын Агафа, и Агаф, сын Гокон, прощайте. Трех милых сыновей родил Гокон, о прохожий. Вместе с отцом из них умер один, Агаф. А оба оставшиеся в живых, Трифон и Аполлоний, оба сходные по праву (*Они отсутствуют в рельефе*), построили ради неизреченной славы прекрасный, бессмертный памятник своего отца и родного брата.

Строка 4. ἔφυ]σε. Сохранилась последняя буква Ε и часть Σ: этим исключается возможность более обычного в данном значении ἔτεχε. Ἐφους реже, чем ἔτεχε, но все же встречается в эпиграммах в том же значении: см., например, W. Peek, Griechische Vers — Inschriften, Bd. I, Grab — Epigramme, B., 1955, № 1062: Ἀντιφῶν πατήρ μ' ἔφυσεν.

Строка 6. [εἰ]ς. Сохранившиеся части букв Ε и Σ заставляют считать восстановление несомненным. Строка 7: Τρ[ύ]φ[ω]ν тоже не вызывает сомнений. Строка 9. ἀπεισι(ν ἐν) τορέαις. После ясно читаемого первого слова ΑΠΕΙΣΙ несколько букв вырезанных, затем исправлявшихся резчиком; среди них намечается ΕΝ. Далее — опять вполне ясно — ΤΟΡΕΑΙΣ = τορέαις от τορέα = резба, гравирование, выпуклая работа: имеется в виду, очевидно, изображение в рельефе. — Строка 12, последнее слово. Сохранилось ΑΘΑΝΑΤ; возможны дополнения ἰθάνατ[ου](μνῆμα) или ἀθανάτ[ου] (πατρός). Предпочитаю первое как повторно встречающееся в сочетании с μνῆμα именно в надгробных эпитафиях.

Надпись метрически правильна. Она не имеет таких частых в боспорских надписях орфографических ошибок, пропусков букв и т. д. Некоторым нарушением, вызванным скорее всего требованиями метрики, является τῶν περιλειπομένων вместо более правильного οἱ περιλειπομένοι. Не соответствует обычному пониманию употребление слова ἀφήμος: едва ли надо принимать его как «молчаливая», «безгласная» слава, скорее здесь подразумевается слава такая, какую не выразить словами. Наконец, отметим γλυκίους = γλυκίους, употребление сравнительной степени в значении превосходной, притом в древней эпической форме, известной в гомеровском языке. Следует отметить, что язык надписи типичен вообще для греческих эпитафий, типичен самый подбор слов (например, κασιγνήτος (а не ἀδελφός; μνῆμα ἀθανάτου и др.), это отличает издаваемую надпись от многих других боспорских, изобилующих необычными, малоупотребительными словами или применением некоторых слов в ином смысле, чем это принято.

Издаваемая надпись представляет бесспорный интерес, особенно, если рассмотреть ее в сопоставлении с другими боспорскими эпитафиями. На Боспоре вообще найдено значительное количество метрических эпитафий: в уже упоминавшейся книге Peek'а их более 30, причем туда вошли далеко не все известные нам надписи данной группы. Есть ряд

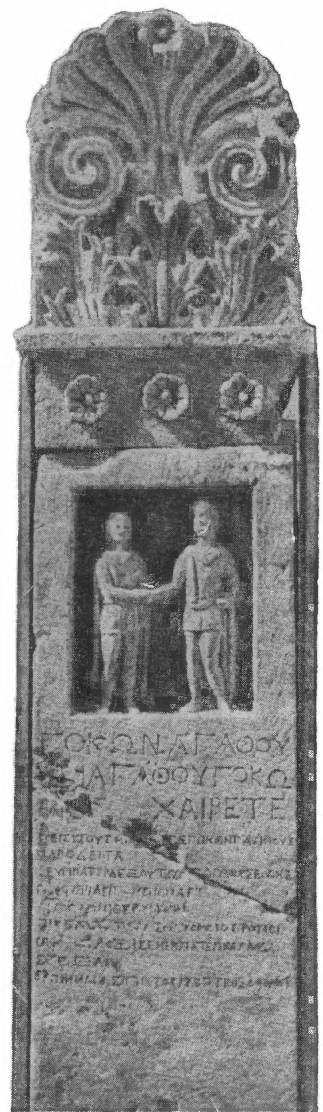

Рис. 1 Общий вид стелы с надписью

Рис. 2. Метрическая эпитафия

хорошо известных; из них некоторые являются близкими аналогиями темрюкской. Назовем из них некоторые. Ближайшую аналогию представляет пантикапейское надгробие Аполлония, сына Аполлония². От темрюкского этот памятник отличается материалом — он сделан не из известняка, а из мрамора. Но самый тип его, орнаментация венчающей части, также то обстоятельство, что он, как и темрюкский, сделан из отдельно изготовленных частей³, в сущности, совершенно сходны у них обоих. Очень сходен и характер письма, что заставляет предположить бесспорную близость обих надписей и по времени. Отметим, что надпись Аполлония также начинается с собственно надгробной эпитафии Ἀπολλώνιος Ἀπολλωνίου χαῖρε, исполненной крупными буквами, после чего более мелким шрифтом вырезана метрическая эпитаграмма: здесь она имеет размер ямбического trimetra, распространенного на Боспоре значительно меньше. Вторым, бесспорно близким публикуемой надписи экземпляром является мраморная стела Трифонида, жены Филетера, ее сыновей и дочери⁴. Как с темрюкской, так и

² ИАК, 10 (1904), стр. 49—52, № 46 (В. В. Латышев).

³ На это уже было обращено внимание, см.: G. Kieseritzky und C. Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, В., 1909, стр. 85, № 484.

⁴ ИРЕ, IV, № 218, стр. 131 сл.

с надписью Аполлония, надпись Трифонида имеет ряд общих особенностей. Тот же характер письма, так же отделена вырезанная более крупными буквами надгробная эпитафия от стихотворной, здесь в размере элегических дистихов. Стела найдена в Пантикапее. Наверху она кончается плоским срезом; выше, несомненно, было что-то еще, на что указывают два углубления на верхней части плиты, предназначенные, очевидно, для прикрепления какой-то венчающей части. К той же группе надгробий, сходных с издаваемой надписью и по выделенной и написанной более крупными буквами начальной части надписи, и по характеру письма, принадлежит и еще ряд пантикапейских надписей⁵; по характеру письма из них особенно близка упомянутым трем надписям Менодора, сына Аполлония (IPE, II, 298). Близка и известная надпись Гликарии (ИАК, 37, 1910, стр. 14 сл.), хотя в ее шрифте, по-видимому, меньше утолщений, раздвоений на концах линий, вообще деталей, создающих впечатление вычурного, изысканного письма.

Было бы, конечно, очень интересно дать полный обзор боспорских метрических эпитафий со сравнительной характеристикой их всех, с сопоставлением их с другими греческими метрическими эпитафиями. В задачи настоящей статьи такой обзор входить не может. Ограничусь некоторыми наблюдениями, непосредственно связанными с публикуемой надписью.

Мы могли убедиться в наличии определенной группы стихотворных эпитафий, среди которых есть надписи с письмом настолько близким темрюкской, что все их можно отнести к одному времени. Необходимо выяснить их время точнее.

Непосредственное впечатление от шрифта этих надписей — что они принадлежат времени переходному, времени, когда еще сильны эллинистические традиции, но, вместе с тем, когда вырабатываются характерные особенности письма первых веков н. э. Если обратиться к аналогим среди датированных надписей, мы найдем их, даже с наличием характерных деталей, в надписях времени боспорских царей Фарнака⁶, Асандра и Динамии⁷ (см. рис. 3). Итак, группа надписей, особенно близких темрюкской, укладывается в пределы I в. до н. э., при этом во вторую его половину. Ряд сходных надписей имеет несколько более выраженные особенности письма времени после начала нашей эры; но и эти надписи не позднее I в. н. э., даже первой половины I в. н. э.⁸ Итак, налицо значительное количество боспорских метрических эпитафий именно данного периода — примерно с середины I в. до н. э. Создается впечатление определенного подъема, расцвета, наблюдающегося на Боспоре этого времени в области создания метрических эпитафий. Но по своему качеству известные нам боспорские эпитафии далеко не равноценны. Уже отмечалась правильность языка и хорошее исполнение темрюкской надписи; она не имеет черт, отличающих ее от эпитафий собственно греческих центров, напротив, во многом близка этим эпитафиям; но она не имеет и высоких поэтических достоинств. Значительно совершеннее, при наличии тех же греческих черт, известная эпитаграмма Гликарии⁹. Хорошим языком, рядом особенностей, свойственных греческим эпитафиям, отличаются и другие надписи; для примера сошлюсь на надпись Феофилы¹⁰: в ней особенно интересен размер, с сочетанием ямбического trimetra и элегического дистиха, точно так, как это имеется в целом ряде греческих метрических эпитафий¹¹. Но есть наряду с подобными надписями также и та-

⁵ IPE, II, № 86, 298; IPE, IV, № 391; ИАК, 37(1910), стр. 14 сл., ИАК, 14, стр. 124, № 27 и др.

⁶ КСИИМК, 37, рис. 74,3; СА, XVII, стр. 176.

⁷ IPE, IV, 420. ИАК, 37, стр. 14 сл.

⁸ Например, IPE, II, addenda, № 91¹; IPE, IV, № 391.

⁹ См. ИАК, 37, стр. 14 сл., где авторами (В. В. Шкорпилом и М. И. Ростовцевым) дан подробный и всесторонний комментарий, с оценкой также и поэтических достоинств надписи.

¹⁰ ИАК, 14, стр. 125, № 47.

¹¹ Перечень аналогий в надписях, вошедших в издание Кайбеля, приведен В. В. Латышевым там же, стр. 124, прим. 6.

кие, где уклонения от греческих эпиграмм слишком значительны, чтобы считать их случайными. Напомню эпитафию Аполлония, сына Аполлония и Трифониды. Если обилие ошибок может быть объяснено безграмотностью резчика, то другие их особенности, как отмеченные еще В. В. Латышевым случаи «своеобразного употребления некоторых слов», т. е. употребления их не в том значении, которое является обычным в Греции, также случаи употребления слов, неизвестных в греческих источниках, свидетельствуют уже об ином авторе-поэте.

I	II	III	IV	V	VI
Α Α	Α Α	Α	Α Α	Α	Α
Γ Γ	—	Γ	—	Γ	Γ
Δ Δ	Δ	Δ	Δ Δ	Δ	
Ε Ε	Ε	Ε	Ε Ε	Ε	Ε
Θ	—	—	Θ	Θ	
Κ Κ	Κ	—	Κ Κ	—	—
Π Π	—	Π	Π Π	Π	—
Σ Σ	Σ Σ	Σ	Σ	Σ	Σ
Φ	Φ	Φ	Φ	Φ	Φ
Ω Ω	—	Ω	Ω	Ω	Ω

Рис. 3. I. Надпись Темрюкского краеведческого музея. II. Надпись с именем царя Фарнака, изд. в КСИИМК, 37, стр. 221, III. Надпись времени Фарнака или Асандра, изд. в ИРЕ, IV, № 200. IV. Надпись Гликாரии (Динамии), жены Асандра, изд. в ИАК, 37, стр. 14 сл. V. Надпись с именем царицы Динамии, изд. в ИРЕ, II, № 356. VI. Надпись с именем царицы Динамии, изд. в ИРЕ, IV, № 420.

Все эти наблюдения дают возможность прийти к выводу о наличии различных направлений в представленных на Боспоре метрических эпитафиях. Мы не располагаем достаточными данными для того, чтобы конкретно представить себе обстоятельства и причины, обусловившие возникновение и развитие на Боспоре указанных различных направлений; во всяком случае, остается фактом присутствие среди боспорских эпиграмм и типичных греческих, и носящих черты своеобразия, а иногда и искажения греческой речи, которые следует, очевидно, приписать тому, что они являются продуктом творчества именно боспорских поэтов.

В заключение следует остановиться еще на одном факте. Издавая впервые надгробие Аполлония, В. В. Латышев приводил сообщение В. В. Шкорпила об обстоятельствах его находки. К своему сообщению В. В. Шкорпил прибавляет указание на то, что

в той же части Пантикапея найден еще ряд надгробий с метрическими эпитафиями и затем замечает: «можно предположить, что здесь в римское время находился, так сказать, аристократический участок кладбища». Среди перечисленных В. В. Шкорпилом надписей находилось, между прочим, и надгробие Трифонида, и некоторые другие надписи, упоминавшиеся нами как близкие по времени темрюкской. Находки, сделанные позднее, позволяют еще увеличить количество известных нам стихотворных эпитафий, найденных в данной части некрополя Пантикапея: из них все, с которыми мне удалось ознакомиться, входят в ту же хронологическую группу — I в. до н. э. — I в. н. э. Итак, мы можем, по-видимому, не только говорить об аристократическом участке пантикапейского некрополя, но и определить время существования этого участка.

Такие «аристократические участки» были, очевидно, также и в некрополях других крупных боспорских городов. Темрюкская надпись принадлежит некрополю Фанатории; есть и другие находки, происходящие с Таманского полуострова и принадлежащие надгробиям той же группы¹². Сейчас было бы едва ли своевременно приводить статистику находок боспорских метрических надписей: это станет возможным, когда будет закончена работа по полному изданию корпуса всех боспорских надписей. Но и теперь мы можем констатировать и значительное количество метрических эпитафий в Боспорских городах, и особое их распространение в I в. до н. э. — I в. н. э. Надпись Темрюкского краеведческого музея занимает в этом материале видное место, она представляет и особый интерес как один из выдающихся памятников древней Фанатории.

Г. Книпович

К ИСТОРИИ ТАНАИСА

Среди городов Северного Причерноморья, существовавших здесь в скифо-сарматское время, видная роль принадлежала Танаису, являвшемуся центром экономической и культурной жизни для всего нижнего Подонья и Приазовья в течение более шести столетий. Без ясного представления об экономике, культуре и политической истории этого города, о характере его связей с окружающим населением, с одной стороны, и с другими причерноморскими и средиземноморскими городами — с другой, невозможно понять и основные вопросы истории всей восточной части Северного Причерноморья и населения степей в Подонье, Приазовье и Волго-Донском междуречье.

Между тем наши сведения о Танаисе до последнего времени были чрезвычайно отрывочны и ни в какой степени не соответствовали тому значению, которое имел этот город в истории народов Северного Причерноморья. Скупые упоминания о Танаисе у немногих античных авторов и отдельные вещи из прежних раскопок, хранящиеся в музеях, — вот почти все данные, которыми мы располагали до начала систематических раскопок Танаиса в 1955 г. Наиболее ценным источником были сведения, получаемые из сравнительно многочисленных танаисских надписей. Но надписи эти относятся все к очень ограниченному периоду — II—III вв. н. э. и касаются лишь определенного небольшого круга вопросов жизни древнего города.

Особенно недоставало для реконструкции истории города систематизированных раскопочных данных. Хотя раскопки в Танаисе велись сравнительно интенсивно в XIX в., отсутствие подробных отчетов о раскопках П. М. Леонтьева, В. Г. Тизенгаузена и Хицунова, чертежей или рисунков вскрытых сооружений, характеристик обнаруженных при раскопках комплексов, стратиграфических наблюдений и т. п. обесценивало полученные результаты и оставляло единственную возможность — привлекать для ха-

¹² Из находок, сделанных на территории Таманского полуострова, интересно отметить венчающую часть стелы, близкую той же части темрюкского надгробия: см. K i e s e r i t z k y und W a t z i n g e r, ук. соч., табл. IX, № 148. Имело ли и это надгробие метрическую надпись, мы, конечно, не знаем. Однако тип стелы был, очевидно, подобен темрюкскому.